

Цена номера 5 копеек.

РЕДАКЦИЯ — Москва, Тверской бул., 28, Дом Герцена. Тел 5-50-85
Прием в секретариате редакции ежедневно от 2 до 4 ч

ИЗДАТЕЛЬСТВО — Акц. Изд. О-во „Огонек“, Москва, 6, Страстной
бульвар, № 11. Телефон 5-51-69.

МОСКОВСКАЯ КОНТОРА — Тверская, 37, (уг. М. Гнездииковского).
Телефон 1-28-19 и 1-28-20.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

С 1 мая до конца года — 1 руб. 50 коп., на 6 мес. — 1 руб. 20 коп.,
на 3 мес. — 60 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 13. Понедельник, 15 июля 1929 г.

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей.

СПУТНИК ПОКОЛЕНИЯ

Это знойное, душное лето было насыщено событиями. События громовым грохотом разрывали стоячую атмосферу застывшего быта. Быт дал трещину. Железная поступь истории была расслышана юношами того поколения которое готовилось к революции. Волна рабочих демонстраций — Ростов, Саратов, Нижний, Казань и др. — говорила ясным языком о наступающих событиях. 1904 год близил революцию, каждым месяцем — каждой новой военной неудачей. Мугден, Цусима, Порт-Артур. Смысл этих событий был ясен. С особенной яркостью он раскрылся 15 июля, когда бомбой Егора Сазонова был убит министр внутренних дел фон-Плеве. События разворачивались все стремительней.

В эти грозные дни знойного лета пришла весть о смерти в Баденвейлере Чехова. Смерть Чехова встала в ряд тех же событий, смысл которых разрывал привычные восприятия прочно устоявшегося быта.

Чехов в те месяцы кануна первой революции так и воспринимался поколением, воспитанным на его рассказах о «людях в футлярах» и о людях, возмездия которых к крыжовнику, хотя бы кислому, — зато собственному (р. «Крыжовник»), давно убили то, что могло стать «общей идеей, т. е. богом живого человека» (р. «Скучная история»). Но у чеховских людей, приходившихся моему поколению отцами, как-раз и не было этой общей идеи. И отцы, естественно, были чужды детям. Дети вырастали в страстном стремлении обрести утраченное отцами наследие героических поколений. Эти стремления к общему и эти мечты об оправдании жизни большой идеей выпрямляла и оформляла революция. Чехов не был ей не только враждебен, но, верилось, делал прямое революционное дело, как художник заражая наше поколение ядовитой ненавистью к быту, на котором держалась старая Россия.

Я очень отчетливо помню юношеские наши мысли о Чехове. Они возникали из того же источника, которым питались тогда все наши ощущения. История творилась на наших глазах. Все было полно особого смысла, и каждое событие вскрывалось в его трагической сущности. В этом многое было от романтики, если и туманной, то во всяком случае возвышенной. Впрочем, не так ли и революция Пятого года овеяна романтикой?

В чеховских рассказах нам явственно слышалась страстная скорбь за эту жизнь, которая могла быть невообразимо прекрасной, изящной и умной и которая стала омерзительно пошлой, грубой и тупой.

Я не ошибусь, если скажу, что, вслед за Горьким, подлинным властителем дум моего поколения в 1903—1904 годах был Чехов. Тогдашняя патетика Горького производила, впрочем, впечатление более эффектное, чем лирическая тональность Чехова. Но чеховская повесть «В овраге», на дискуссиях по поводу которой окрестились тогда первые диалектические шаги нашего поколения — юных народников со столь же юными марксистами, — эта повесть воспринималась не менее, а бы сказал глубоко, чем горьковские «Фома Гордеев» и «Трое».

А в чеховских словах о человеке, «которому нужно не 3 аршина земли, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа» — так же как в чеховском настойчивом призыве к труду, с такой силой прозвучавшем в «Трех сестрах» и в «Невесте», — раскрывалась та же романтика, которая отнюдь не вела к равнодушному мечтательству (над прекраснотворно-мечтательными бездельниками мы — вместе с Чеховым — смеялись в «Вишневом саду»!), а воплощалась в то действительное, чем был насыщен воздух революционного предгрозя.

Чехов выдержал испытание времени. В годы политического и общественного маразма, усталостью, разочарованностью, богоискательством и всяческой мистикой сменившие героический, возвышенный и глубоко-романтический взлет Пятого года, над Чеховым производились опыты всевозможнейших «ревирий». Символисты считали его в такой же мере «своим», как и прямолинейные «натуралисты», объединившиеся вокруг сборника «Знание». Голоса марксистской критики яростно заглушались елеинно-патетическими возгласами Мефрежковского и Розанова. В том, что пи-

салось тогда о Чехове было так много лицемерного, фальшивого и вовсе неверного, что его образ принижался, почти сливался с персонажами чеховских же рассказов. Вот когда между Чеховым и «чеховщиной» был поставлен знак равенства! Но то поколение, которое у Чехова училось ненависти к мещанству и вере в человека, — оно сумело сохранить в своем сознании тот подлинный, живой и истинный облик художника, который возник перед ним во весь рост в знойное лето революционного предгрозя.

Это поколение в эпоху величайшей

А. П. Чехов в 1888 г.

социальной революции, в дни напряженнейшего строительства нового мира, не отказывается от Чехова. Поколение, научившееся ненавидеть «чеховщину», ибо росло в ее политической бытовой и моральной атмосфере, знает, что Чехов во всем противоположен и во всем поларен «чеховщине».

Юношами, четверть века тому назад, мы читали строки из неоконченного рассказа Чехова «Письмо», где он предостерегал:

— Великие события застанут нас врасплох, как спящих дев, и вы увидите, что купец Сидоров или какой-нибудь учитель уездного училища из Ельца, видящие и знающие больше нас, отбросят нас на самый задний план, потому что сделают больше, чем все мы, взятые вместе. И прежде, чем заблестит заря новой жизни, мы обратимся в злобных старух и стариков, и первые с ненавистью отвернемся от этой зари и пустим в нее клеветой».

Он предостерегал и предостерег. Чехов подготовил нас к пониманию великих событий, ибо заразил нас ненавистью к жизни без событий, а только к быту, в котором кислый крыжовник и жареный гусь с капустой значили больше, чем «общая идея — бог живого человека».

Когда в день тридцатилетия Художественного театра на юбилейном спектакле прозвучали слова Тузенбаха в «Трех сестрах»:

«Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку».

И многие, удивленно переглянувшись спрашивали: «Неужели это, и вправду, — чеховские слова? Да ведь это пророчество!».

Я в этой исповеди чеховской веры услышал тот же голос, который звучал 25 лет тому назад — на заре моей молодости.

И оглянувшись назад, в эту туманную даль, я увидел юного гимназиста, с замирающим сердцем стоявшего в приемной редактора. Робкий юноша принес в газету свою первую статью: статью о Чехове.

Этот далекий призрак моей юности улыбнулся мне сочувственно: он-то понимал, что слова чеховского Тузенбаха о труде и буре были и впрямь пророческими.

Верой в это пророчество воспиталось целое поколение.

Юрий Соболев.